

Фельдшер вымыл руки, насухо вытер их полотенцем и принялся аккуратно развязывать грязную тряпку на голове Ван Сюаня.

— Ох, ну и ну... Всё распухло, воспалилось, гной вовсю идёт, — покачал головой старик. — Разве можно с такой глубокой раной так обращаться? Вы же мальчишку погубите!

Врач осторожно снял присохшую, превратившуюся в твёрдую корку травяную кашицу. Под ней показалась багровая, сочащаяся сукровицей рана.

— А это ещё что за дрянь? Вы зачем в открытую рану всякую гадость пихаете?

Староста деревни смущённо кашлянул в кулак и отвёл взгляд:

— Да зола это печная... Из очага взяли. Кровь хлестала ручьем, бабы деревенские увидели, ну и присыпали, чтоб остановить.

Фельдшер сердито свёл седые брови к переносице:

— Смотреть надо, куда сыплете! С головой шутки плохи, от такого заражения и помереть недолго. Почему раньше мальчика не привезли?

Он прекрасно знал, как в деревнях привыкли лечить любые хвори, но ведь нельзя же сыпать золу во все раны подряд! Так недолго и до могилы ребёнка довести.

Врач принялся промывать рану соляным раствором — обычным кипятком, в котором развели крупную соль. Ван Сюань судорожно задергался от невыносимой боли. Старый фельдшер лишь сочувственно вздохнул: поделать он ничего не мог. Лекарств в Коммунальной больнице было кот наплакал, а настоящий физраствор берегли на самые крайние случаи.

К тому же зола за ночь намертво спеклась с запёкшейся кровью, и вычищать её было чистой мукой. А не уберёшь эту грязь — свежее лекарство не подействует.

Маленький, исхудавший А-Сюань жалко съёжился на засаленной рогожке. Его бледное личико искажала гримаса боли. Старосте было тяжело на это смотреть. Поглядев на Чэнь А-да, он лишь безнадёжно покачал головой. Глупый, слабохарактерный мужик, которого собственная баба забила под каблук так, что пикнуть не даёт. На такого даже злиться бессмысленно — он ведь небось так и не понял, в чём виноват. Да ну его, только слюну зря тратить на этого тюфяка. А ведь А-Сюань рос таким ладным, красивым мальчиком — во что его превратили?

Старик-врач наконец закончил возиться с раной: вычистил весь гной, ещё раз ополоснул всё солёной водой, выбрил мальчику волосы у виска, а заодно бережно обтёр его осунувшееся личико и шею тёплой водой. Пока А-Сюань лежал, свернувшись калачиком на боку, лекарь присыпал рану жёлтым порошком, отчего макушка ребёнка стала похожа на облезлый

лишайный бок.

Затем он аккуратно, виток за витком, обмотал голову чистым белым бинтом.

— Рана загноилась, — вздохнул фельдшер. — Хороших лекарств у нас в Коммунальной больнице нет. Сейчас вколем ему жаропонижающее, а вы поите его побольше тёплой водой.

В таком состоянии мальчику очень помогли бы антибиотики. Инфекция уже пошла гулять по организму, а ребёнок совсем слабый, истощённый — тут медлить нельзя. Да только где их взять? О таких лекарствах в их захолустном медпункте и мечтать не смели — их и в крупных городских больницах днём с огнём не сыщешь.

Доктор велел молодой медсестре обтереть парнишку тёплой водой, чтобы сбить жар и смыть скопившуюся грязь. Девушка приспустила с мальчугана залатанные штанишки и сделала в худенькую ягодицу укол. Больше медики помочь ничем не могли.

Отойдя от кушетки, медсестра негромко пожаловалась врачу:

— Кожа да кости... Живого места нет. Каким же зверем надо быть, чтобы так дитя отделать?

В те голодные годы излишней полнотой никто не отличался, но обилие синяков и ссадин на детском теле так просто списать на худобу было нельзя. Старый фельдшер лишь тяжело вздохнул. Время нынче смутное, всё шиворот-навыворот пошло. Не будь у него влиятельных учеников в уезде, его самого давно бы сослали в коровник на «перевоспитание». Радоваться надо, что вообще здесь работает, искупает «ошибки прошлого».

Гоудань, во все глаза следивший за ними, несмело подошёл ближе:

— Дяденька доктор, а теперь всё? А-Сюань поправится?

Старик поправил на переносице очки в дешёвой оправе:

— Мы сделали всё, что могли, теперь остаётся только ждать. Уж больно он слабенький. Как вернётся, его бы подкормить чем-нибудь питательным. Само собой, никакого жирного мяса — от него только жар поднимется. Лучше всего давать яйца, нежирный бульон, молоко...

Договаривая, фельдшер осёкся и отвёл взгляд. Сам ведь понимал, что советует глупость. По одежке мальчишки было ясно, что о яйцах и молоке в их семье отродясь не слыхивали. Не начни он гореть как в лихорадке, его бы и в больницу никто не повёз.

— Ай, ладно, — махнул рукой старик. — Кормите чем придётся. Главное — следите, чтобы грязь в рану не попала, и мочить голову пока нельзя. Бинты меняйте по мере надобности. Если

чистых нет, старые постирайте, обязательно прокипятите и высушите на самом солнцепёке, иначе опять заразу занесёте.

После укола и обтираний А-Сюаню заметно полегчало. Дыхание выровнялось, личико разгладилось. Медсестра напоследок протёрла ему подмышки и сгибы локтей слабым спиртовым раствором.

Прошло ещё два часа.

— Через часик смерим температуру, — сказал фельдшер. — Если спадёт, забирайте парня домой.

Мест для больных в Коммунальной больнице всё равно не было, да и платить за койку этим бедолагам явно нечем.

В те времена деревенским лечиться было особо негде: либо идти на поклон к местному босоному врачу, либо добираться до Коммунальной больницы, которая располагалась в уездном посёлке. Местные так и говорили — «пойти в коммуну», что означало отправиться в посёлок за помощью.

Чэнь А-да сиднем сидел на корточках в коридоре, вжав голову в плечи. Сказать старосте простое человеческое «спасибо» у него ума не хватало. Гоудань сам подошёл к председателю.

— Дедушка староста, — негромко начал он, — вы же сами видите: тётка Хэймэй А-Сюаня за человека не считает. Пока здоровый был — из работы не вылезал, а как занемог — бросила подыхать. Чем она лучше помещицы из старых времён? Самое настоящее кулачье! Пусть А-Сюань у нас живёт! Мы его выходим. Что скажете?

— Ишь, шустрый какой! — прищурился староста. — А отец твой согласится? Да и чем ты его кормить собрался, спаситель выискался? Сами впроголодь живёте.

— Так скоро же летняя жатва! — горячо возразил Гоудань. — Нам за работу зерно выпишут. А до тех пор можно... можно в счёт будущей доли у артели занять...

— Умник какой выискался, — усмехнулся старик. — Ваш двор за прошлый год ещё долги не вернул, а ты опять в амбар заришься.

В закромах бригады лишнего зерна никогда не держали — только самый неприкосновенный запас на случай неурожая да семенной фонд. Разве что новоприбывшей образованной молодёжи выделяли немного на первое время под будущую отработку, но всё это строго записывалось в долг до осени.

И всё же в словах сорванца была доля смысла. Староста невольно задумался. Странное дело:

Гоудань мальчишке Ван Сюаню никто, ни родни, ни общего дела, а ведь как вцепился! Уже дважды за него в драку лез, а теперь и вовсе к себе забрать просит.

Будь на месте Гоуданя любой другой малец, староста лишь посмеялся бы над глупой затеей. Но тут случай был особый. Сначала этот шкет ухитрился приструнить вздорную Хэймэй, теперь вот заставил взрослых везти больного сироту в больницу... Не по-детски рассудительный рос парень. Иной взрослый растерялся бы, а этот сразу сообразил, к кому бежать за подмогой.

Не часто старосте приходилось всерьёз задумываться над речами восьмилетнего мальчишки. Старик прищурил острые, повидавшие виды глаза и внимательно оглядел худого, зачерствевшего на солнце чертенка. Да уж, похоже, в роду Ли вырос чертовски толковый парень.

Пока в уездном посёлке решалась судьба А-Сюаня, в деревне Ли Сы уже успел сварить утреннюю похлёбку, а сына всё не было. «Что ж он там, провалился, что ли?» — ворчал про себя отец. Он-то решил, что малец спозаранку умчался в нужник на заднем дворе — обычное ведь дело.

Однако время шло, а двор оставался пуст.

«Неужто с ребятами заигрался и про еду забыл?» — засомневался Ли Сы, хотя за Гоуданем такой безалаберности раньше не водилось.

Скоро должен был прозвучать гонг на работу. Жить в ожидании было некогда, поэтому Ли Сы отлил сыну добрую половину жидкой каши с зеленью, а остальное торопливо загреб широкой деревянной ложкой, шумно отдуваясь.

— Дядя Лао Сы! А, дядя Лао Сы! — послышался из-за забора робкий, едва слышный голосок.

У калитки, переминаясь с ноги на ногу, стояла испуганная Ли Даню. Если бы Ли Сы не прислушивался к каждому шороху, ожидая возвращения сына, ни за что бы не разобрал её писка.

— Даню? — удивился Ли Сы, выходя на крыльцо. — Ты к Гоуданю нашему?

Девочка испуганно мотнула головой, а потом закивала:

— Гоудань просил передать... Он в посёлок ушёл, за доктором.

<http://bllate.org/book/19654/1955920>